УДК 811.161.1'374.26

Е. А. Войцева

Морская и рыболовецкая лексика в словаре русского языка XI-XVII ст.

Унификация словарного состава современных научно-технических и производственных отраслей, определение направлений их последующего развития предполагает изучение истории материальной и духовной культуры наших предков. Поэтому языковое историческое наследие находится в центре внимания современных лексикологов.

Из глубины веков дошла до нашего времени лексика из области практического рыболовства и мореплавания. Можно сказать, что история цивилизации — это история воды: с тех пор, как человек осознал себя в окружающем мире, он стал выражать преклонение перед водой, речными и морскими просторами, источниками материального существования человека и его вдохновения. Рыболовство издавна было традиционной формой хозяйствования, начиная с эпохи палеолита, ведь первобытные люди селились по берегам больших рек (в частности, Днепра, Днестра, Южного Буга, Северского Донца и др.). Восточные славяне, занимавшие в VI-IX ст. значительную территорию Восточной Европы от Карпат до Оки и от Ладоги до Черного моря, стали торговать с соседними странами. В древнерусском государстве IX-начала XII века значительную роль играл торговый "Путь из варяг в греки", который проходил на юг от озера Ильмень, по маленьким речкам до истоков Днепра — и по Днепру до Черного моря. Важными пунктами этого водного пути были такие города, как Новгород, Смоленск, Любеч, Чернигов, Вышгород, Киев. Первые купцы (а заодно и воины) переправляли на юг мед, воск, меха, рабов [3:37]. К наиболее значимым политическим событиям, оказавшим мощное влияние на всю систему русского языка и ее отдельных подсистем, изменившим словарный состав, относятся феодальная раздробленность Руси в XI-XIII ст., монголо-татарское нашествие, формирование Московского княжества государем Иваном III, объединившим под своей властью в XV в. основной массив Северо-Восточной Руси, и, особенно, начало Петровской эпохи (конец XVII в.).

Русские мореплаватели совершают первые ледовые плавания: в 1648 г. экспедиция во главе с устюжским казаком С. И. Дежневым совершает плавание на кочах от устья р. Колымы до устья р. Анадырь, практически доказав, что можно пройти из Ледовитого океана в Тихий [10:134-135]. Налаживание экономических связей, потребность защиты государства от внешних врагов, военные походы князей, ледовые плавания поморов — эти и другие внелингвистические причины способствуют формированию и развитию лексики, связанной с рыболовным промыслом и мореходством.

Кроме того, историческое развитие языка и общества в Древней Руси определялось столкновением двух культур: языческой (славянской) и христианской (византийской), что выражалось в "совмещении двух литературных языков — народно-разговорного и литературно-книж-

© Е. А. Войцева, 2001

ного (язык древних переводов)" [6:16]. Наиболее употребительные слова русского языка XI-XVII вв. (около 60 тыс. слов) из области социально-экономических отношений, быта, сельского хозяйства, ремесел, искусства и культуры нашли отображение в Словаре русского языка XI-XVII вв. Работа по составлению данного словаря началась еще в 1925 году в Институте языка и мышления (позднее Институт языкознания АН СССР, работавший в 30-50-е гг. в Ленинграде). В 1936 г. вышел в свет "Проект древнерусского словаря (Принципы, инструкции, источники)", а в 1975 г. был опубликован его первый выпуск. В создании словаря принимали участие многие известные русские лингвисты: акад. А. И. Соболевский, В. В. Виноградов, проф. Б. А. Ларин, Р. И. Аванесов, О. Н. Трубачев, Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелев и др.

Лексика Словаря XI-XVII вв. отображает разнообразные по жанрам, характеру написания (оригинальные и переводные тексты, преимущественно с греческого языка), древнерусские (XI-XIV вв.) и старорусские (XVI-XVII вв.) памятники письменности (художественная, публицистическая, богослужебная литература, естественно-научные труды, юридические памятники, актовые материалы, грамоты, путешествия, переписка, приходно-расходные книги и т.п.). Многочисленные морфологические и фонетические варианты, пестрота грамматических форм, высокая лексическая синонимичность и неустойчивость орфограмм поясняются "территориальной спецификой языка памятников каждой области (Киева, Новгорода, Пскова, Владимира, Суздаля, Москвы, Смоленска и др.)" [8:2]. Изучение лексики древнерусских памятников затруднено из-за отсутствия объективных критериев, необходимых для хронологического сравнения единиц с тождественным значением и общелитературным употреблением. При этом количественные данные не могут служить надежным обоснованием для отнесения того или иного слова к разряду устаревших, так как "многочисленные случаи служат свидетельством регулярно-нормативного употребления, единичные случаи могут объясняться тем фактом, что слово только входит в употребление" [7:10].

Необходимо также учитывать специфику характера средневекового сознания человека, который, по мнению В. В. Колесова, отличался тем, что он оперировал не понятием о предмете, а лишь представлением о нем и поэтому преимущественное внимание сосредотачивалось на конкретном, вещном признаке. Поэтому отдельные материальные свойства обозначаемых номинаций требовали разъяснения и создания для этого конкретных текстов, представляющих в синтагматике значения слов и их оттенки. "Средневековье важно тем, что трудами многих поколений в этот период происходит постепенное отчуждение имени от вещи, которую имя обозначает. Средние века с их самыми невероятными представлениями последовательно и неуклонно объективировали мир в глазах человека" [6:15]. Объективация окружающего мира происходила в условиях контактирования пестрого местного материала и заимствований, причем происходило постепенное вытеснение одних форм другими, более совершенными. Отбор языковых форм и развитие структуры языка явились содержанием этого исторического процесса [5: 6].

Наше внимание привлекла морская и рыболовецкая лексика, представленная в 1-17 выпусках Словаря русского языка XI-XVII вв. Объединение лексики мореплавания и рыболовства в данной статье связано с тематическим сходством слов рассматриваемых сфер, обозначающих этапы освоения водного пространства человеком. Рассматриваемые номинации можно систематизировать по следующим лексико-тематическим группам: 1) названия типов лодок и судов; 2) наименования оснастки и конструкций деталей набора судов (лодок); 3) названия рыболовных снастей; 4) слова, обозначающие специальности, связанные с мореплаваньем и рыболовным промыслом и др. Так как названия рыболовецких снастей и специальностей, связанных с данными сферами, в средневековый период частично описаны в ряде исследований (напр., Вакуров В. Н. Из истории терминологии рыбного промысла в русском языке (на материале деловых памятников XIV-XVI вв.) // Вопросы истории русского языка. — М., 1959; Петренко И. В. Терминология рыболовного промысла в памятниках деловой письменности XIV-XVI вв. // Науч. зап. Днепропетр. ун-та,1963. — Т. 7. — Вып. 19; Грищенко И. Д. Промысловая лексика русских рыбаков дельты Дуная (словарь и исследования).-Кишинев, 1964; Мотузенко Е. М. Морская рыболовецкая терминология северо-западного Причерноморья. — Одесса, 1987, статьи Б. Л. Богородского, Н. В. Михеевой, В. И. Гончарова и др.), остановимся подробнее на характеристике единиц первых двух групп.

В средние века намечается специализация лексики общеиндоевропейского и праславянско-

го фонда. Например, прослеживается тенденция семантического уточнения географических наименований в связи с развитием практического мореходства. До начала XVIII в. география слабо расчленяла экономический и физический аспекты рассмотрения свих объектов [7:166]. Географические понятия имеют, как правило, несколько значений, напр.: море (морие) из *morje (западнославянский европейский пласт праславянской лексики) *большой водоем с соленой и пресной водой, море, озеро*; морьце *небольшое внутреннее море, озеро*; берег (брѣг) из праславянского *berg *скала, обрыв, пропасть,берег*; лимень (лименъ, лимьнь, распространилось на территории Причерноморья за 400-300 лет до. н.э из гр. λιμην [2:21]) *пристань,гавань,залив*; курья (одно из древнейших финно-угорских заимствований, коми kurja *залив*, сближ.с фин. kuru *борозда*) [12:2,431] *речной залив, заводь, заболоченный рукав или старое русло реки, угодье, примыкающее к ним*; заводь (префиксальное образование со значением "что-либо, находящееся по ту сторону, позади чего-либо") *заводь, залив, род рыболовного закола из кольев и плетня*; лукоморье (лукоморие) (из праславянского *ląka *изгиб* и море) [12:2,532] *морской залив, бухта,берег вдоль морского залива,излучина*; океанъ (окианъ, окиянъ, акианъ.. акиань, акиянъ, акыянъ) (из греч.ωκεανος *море, океан*) [12:3,128] *море, чьи воды со всех сторон окружают землю*, а в текстах, отражающих представления, восходящие к античности, *река*; в источниках, отражающих географические представления XI-XVII вв., *Мировой океан*. Таким образом, словарь отображает обилие орфографических вариантов (особенно у слова океан), отсутствие в рассматриваемый период четкого размежевания между употреблением слов море и океан, понятиями море и озеро, высокую синонимичность понятия залив, что ведет к столкновению, конкуренции праславянских и заимствованных слов, старых и новых номинаций.

Разнообразие вариантов написания поясняется также стремлением авторов показать зрительный облик слова в конце охватываемого словарем периода, отразить лексические ресурсы языка (от высоких стилей до диалектных, обиходных средств выражения) в зависимости от орфографических школ и степени грамотности писцов. "В общем языке, как и в языке науки, дифференциации и отбору языкового материала предшествует своеобразное собирание наличного языкового материала, идет первый этап складывания национального литературного языка" [7:195]. Очевидно, более древней и архаичной следует считать лексику церковных памятников, напр.: алдия *ладья*: Плу Ис море. Богъ въ алдии (И.Злат., XII в.); еландии *ладья, судно, корабль* (из ср.-греч. χελανδιου): И живущимъ въ островѣ в Родѣдане многу подастъ на устроение еландии Флавий (Полон. Иерус., XV-XVI вв.); корабицъ (корабица, кораблицъ, крабица, крабьица) *лодка, небольшое судно*: Нидѣ дъва корабица стояща при озерѣ (Остр. ев.,1057 г.). Литературные памятники светского характера в большей степени отражали разговорную лексику, слова, распространенные в живом употреблении и поэтому более жизнестойкие: ладья (ладия): Сему прилучися плавание в ладии творити по рѣцѣ Невѣ (Пах. Ж. Моис., XV-XVII в.); лодейца (ладийца): По сих же в сукно худо и остро облеченъ, и ладница мала построена, вложено... его тѣло и погребоша (Хрон. Г. Амарт., XV-XVI в.); плотъ *паром*: На Днѣпрѣ де для перевѣзду государевыхъ ратныхъ людей за Днѣпре сдѣланы два плота и перевозятся ратные люди за Днѣпр на плотѣхъ, а тѣ плоты на канатѣхъ (АМГ, 1633 г.); кораблестроитель: Бяше же (Завулон) присно кораблестроитель, такожде и рыбъ морскихъ преловитель (Хон., 1679 г.) и др.

К древнейшему пласту морской и рыболовецкой лексики IX-начала XII вв (по данным летописного памятника, "Повести временных лет") относятся такие слова, как лодья (из прасл. *oldi), ладья, гребець (от грести (веслами), возникло из значения *рыть* из *greb-sko), багоръ (предположительно исконно славянское слово), волокъ (из праслв.*velką), рыболовъ, а также первые заимствования-грецизмы: корабль (κοραβιου, вошедшее в литературный язык из бытовой речи) и производное карабьица, парусъ, якорь, кубара, олядь [12:1,454; 102; т.2, 510; см. 11].

Рассматриваемая лексика издавна была неоднородной: севернорусские и южнорусские говоры имели в словарном составе отличные единицы, напр., на севере функционировали такие лексемы, как пьрь *паруса*, упругъ *ребро судна*, рая *перекладина*, щъгла *мачта*, среди наименований судов — насадъ, бударa, шнека , лодья, коча, карбас, а с юга древнерусской территории распространились лексемы лименъ, корабль, кубара, парусъ, галеасъ и др. (об этой закономерности начального этапа складывания лексической системы, в частности, русского языка см.: 9:60-70; 1:63).

Территориальные факторы, по-видимому, обусловили характер распространения иноязычной морской и рыболовецкой лексики. На севере (Белое море) заимствовались слова из финс-

кого, вепского языков (лойва *большая парусная лодка*, карбасъ, кубасъ *поплавок из древесного корня, буй*). С юга приходили в бассейн Черного моря суда из Средиземного моря, родины мореходного искусства; моряки обменивались профессиональными терминами. Так постепенно на юге создается международная морская лексика для обозначения общих названий судов и их деталей, заимствуются слова греческого (барка *лодка*, галея *малое плоскодонное судно*, кубара (кувара), катартъ *мачта с реями и парусом*, многозначные единицы еландии, олядь (оляция) *лодка, ладья, судно*), латинского (варка, карина), итальянского (галеасъ *тип крупной галеры*, гондола, галера, каторга), тюркского (восточного) происхождения (каюкъ *лодка, морское или речное судно*, байлакъ *речное судно*, левент *рядовой турецкого флота*, кестякъ (костякъ) *вид лодки; барка* из перс. ketsti *баржа*).

Позднее, в конце XVII в., с Балтийского северо-запада начинают входить в состав русского языка западноевропейские слова. Одно из первых скандинавских заимствований — буса *род мореходного судна*, впервые отмечается в 1419 г., скорее из норв. byse: Пришолъ къ Четыремъ бугромъ кизылбашского Абасъ-шаховъ гонецъ... на кызылбашской бусѣ (АИ, 1646 г.). Первоначально это слово бытовало в языке новгородцев, затем попало в Москву, в низовья Волги, на Каспий и сибирские реки, а также на Днепр [2:21-22]. В Словаре XI-XVII вв. отмечаются также голландские (лоцман, батъ, буглина *снасть для оттяжки парусов*, боцмонъ, стюрманъ), французские (баржа), немецкие (брандеръ *судно для поджигания неприятельского флота*) и др. единицы иноязычного происхождения.

Западноевропейское влияние, впрочем, не было еще столь значительным: в данный период почти отсутствуют английские заимствования, играющие важную роль в современном морском лексиконе, ср.: констапель *младший офицерский чин в морской артиллерии*, по мнению М. Фасмера, из голл. konstapel, англ. constabel от ср.-лат. constabularius *однокашник, однополчанин* [12:2,313]: Принять на службу великого государя Ругодивецъ, корабельный констапель (ДАИ, 1697 г.); остальные иноязычные единицы составляют 22% от общего количества исследованных слов.

Словарь XI-XVII вв. предоставляет фактические данные, подтверждающие, что в разнородной массе лексики морского дела и рыболовецкого промысла в русском языке издавна сосуществовали три основных лексических пласта: 1) исконная лексика с глубокими историческими традициями (главным образом, речная); 2) греко-итальянские заимствования (отмечаются с XI-XIII вв., вначале на Азово-Черноморском побережье; бытующие, по наблюдениям Б. Л. Богородского, в живом языке водников и рыболовов Азовского, Черного, Каспийского морей, а также в бассейне рек Днестра, Днепра, Дона и Волги в 60-е гг. нашего века) [2:5]; 3) западноевропейские заимствования (балтийский пласт) (с конца XVII в. стали проникать в систему русского языка, основной массив вошел в нач. XVIII в.).

Богатством форм и разнообразием семантики отличаются наименования лодок и судов, зафиксированные древнерусскими памятниками, от древнейших судовых названий: лодья (лодейца, ладийца, ладья, ладейца, ладийца, алдия), лодка (лодчонка, лодейка, лодеечка), стругъ, судно, насалъ (носалъ, насада, насадецъ, носадецъ), самых простых видов, изготовленных из ствола дерева (чельнъ, однодревка, набоенка, набойница, ботникъ, каюкъ (каючонокъ, каючокъ), комяга), — до больших гребных парусных судов (кочь, галеонъ (галионъ), галеасъ, кубара, карбасъ (карбусъ, карбасокъ, корбузъ, карбас). Лексемы ладья, каюкъ, крабьица, олядь, булара, лодейца, обозначали параллельно лодку и судно, объединяя еще эти два понятия.

Одним из самых распространенных на речных и морских просторах в древнейшую эпоху было слово насадъ (носадъ, насада), новгородское по происхождению, с прозрачной внутренней формой (от на- и садить *носатое судно со вздернутой оконечностью*), употреблявшееся в разнообразных жанрах [2:20] с такими значениями: *лодка, вмещавшая несколько человек; речное и озерное (морское) судно, приспособленное для перевозки людей и грузов, нередко служившее в качестве боевого и военно-транспортного корабля*: Придоша емъ воевать въ Ладозькое озѣро и лодкахъ... новгородци же въсъдавше въ насады, въгрѣбоша в Ладогу (Новг. I лет., 1015 г.); *речное плоскодонное грузовое судно*: Да насалъ и съ снастью, и съ парусомъ со всѣмъ, а въ немъ соли семьсотъ на Вологдѣ (Арх. Стр., 1551г.). Производные образования свидетельствуют о словообразовательной активности данной лексемы и стремлению к дифференциации отдельных значений: уменьш. насадецъ (носадецъ): Мерил целовальникъ... у княж(е) городца у Якова Москаля носадецъ с сол(ь)ю (Астрах. а.,1624 г.), насадникъ *мастер. строящий насады*, насад-

шикъ *владелец насада*, насадный промыселъ *судовые перевозки товаров и припасов (особенно соли и рыбы) от мест добычи к местам продажи*, насадный промышленникъ *лицо, занимающееся организацией судовых перевозок*, насадный приказчикъ *доверенное лицо монастыря, ведущее дела, связанные с эксплуатацией насада*, насадная жаловальная грамота *царская грамота монастырю-владельцу соляных промыслов на право беспошлинного провоза соли к месту ее продажи монастырским судном*.

Судоходная лексика, представленная в словаре, отличается по функциональному назначению (грузы и людей перевозили на бударе, завозне, перевозне, для разгрузки крупных судов на мелководье использовали павозокъ, рыбу ловили на чельне, ѣзнике, для ведения военных действий предназначались ошняки, шняки), по типу остнастки (гребные суда — будара, байдара, парусные — батъ, кочь, коча, брегантинъ; для уточнения конструкции, назначения, количества весел лодок использовались: лодка ловецкая, плавная, набойная, подъездная, кереводная, одновесельная, семерня и т.п.), плавающие по рекам (байдакъ, мишанъ, кочетокъ) и по морю (буса, буча, кубара, пенка).

Наиболее известными типами парусных судов у беломорских поморов были карбасъ, кочь, лодья, обладавшие высокой мореходностью и просуществовавшие до XIX в. (а карбас — до нашего времени). Они предназначались для морского рыболовецкого промысла и транспортных целей. Беломорские лодьи и кочи были судами, построенными специально для ледового плавания: благодаря обводам при сжатии льда они не раздавливались, а "выжимались" вверх (этот же принцип используется и в наше время при постройке современных ледоколов) [10:151]: А великие места и лес угожий судной есть, зделать кочь или шняки или в каких судах можно на тое великую реку поднятца (Гр. Сиб. Милл, 1619 г.).

Для обозначения гребно-парусных судов, относительно развалистых, узких и длинных с низкобортными корпусами и вытянутыми носами, мало мореходных, употреблялись слова галера (происходило от римских судов либурнов, заимствовалось из ит. galera или из нем. Galere) и каторга (катарга, катарха) (κατεργον, мн. -α *галера, принудительный труд*) [12:1,386; т.2,210-211]: Товаров сквоз Грабунскую землю на галеры не возит (Куранты, 1620); А сверху раздалось пошире, гдѣ катархи стоять и каторжныхъ ясырей тюрьмы (Арс. Сух. Проскинитарий, 1653 г.). Гребцами на иноземных галерах были обычно преступники, рабы или вольнонаемные бедняки, вынужденные выполнять непосильную работу, терпеть бесчеловечное обращение, поэтому у слова каторга на русской почве уже в средневековье отмечается значение *принудительная работа*, в дальнейшем ставшее основным.

Начиная с древнейшего времени лодка была одним из самых популярных средств передвижения и рыбного промысла. Название лодки иногда позволяет судить о месте ее изготовления и распространенности: Да для перевозу через реку Онегу началных людей... куплено две барки каргополок (Кн. переч., 1702 г.); Куплена лодья двинянка нова с карбасом с новым и снастью (Кн. прих.-расх., 1581 г.).

В случае, если наименование судна было иноязычным и нуждалось в разъяснении, писцы прибегали к необходимым уточнениям в тексте: Аще обрящетъ русь кубару греческую, вывержену на коемъ любо мѣстѣ, да не приобидятъ ея (Соф. I лет., 945 г.); Нанявъ судно арабское, джерма зовомое, поѣхали отъ Решита въ полдень въ Мисиръ (Арс. Сух. Проскинитарий, 1653 г.); Турецкой царь дѣлаетъ суды, четыре барчи и каторги и корабли и мѣлкие суды (Дон. д., 1640 г.); Въ Перновѣ нашихъ поморскихъ судовъ нѣтъ, а есть в Пърновѣ любсскихъ гостей, которые пришли с торгомъ, три пѣнки. а садится на пѣнку человѣкъ по сороку и до пятидесятъ человѣкъ (Рим. имп., 1576 г.); Да стережеца всячески... от зажигательного корабля аглийски зовется брандеръ (Опис.м.-х.судов, XVIII в.); Делаютъ малые галѣи и иные плоскодонные корабли (Куранты, 1621 г.); Такожъ можно сдѣлатъ галиоты, чтобъ мочно къ Новой землѣ ходить для ловли китовъ и моржей (ДАИ, 1693 г.).

В ходе морской и рыболовецкой практики сталкиваются, взаимодействуют между собой исконные слова с отчетливой внутренней формой: павозокъ (паузокъ, павузокъ, павозочекъ), завозня *лодка для завоза якоря*, однодревка *лодка, выдолбленная из древесного ствола*, набоенка, набойница, набойня *небольшая лодка,выдолбленная из осиновой колоды, с набитыми для увеличения бортов досками (набоями)* и др. и единицы, не имеющие мотивировки (заимствования). Не связанные с какими-либо ассоциациями в языке, называющие современные в техническом отношении судовые постройки, иноязычные номинации в дальнейшем придут на смену старым

названиям (галера, брегантинъ, гондола, баржа и др.). В конце XVII в. эта тенденция лишь начинает проявляться.

Слова, обозначающие остнастку и конструкции деталей набора судов (лодок), в XI-XVII вв. не отличаются таким разнообразием, как наименования лодок (судов): отсутствует регулярный флот, нет крупных кораблестроительных верфей. Преобладают лексемы, унаследованные из праславянского фонда (корма, носъ, перо *лопасть весла, руля*, коргъ *выступ на носу и на корме судна, служащий для привязывания якорей*, нащвы *род фальшборта из досок, пришитых или прибитых*, нашесть *скамья для гребцов*, озда *поперечная балка на речном судне*, обшивина *веревочный конец на парусе для управления им* и др.). Некоторые из них имеют дублетные иноязычные соответствия. Синонимика, непрерывно меняющая наборы обозначений, множилась в связи с тем, что в орбиту русского языка при обработке функциональных стилей были вовлечены как народная речь, так и ресурсы старославянского языка. "Наличие ряда обозначений одних и тех же предметов, признаков и действий явилось основой стилистической и смысловой дифференциации языковых средств" [4:9]. Конкуренция происходила между исконными единицами и заимствованными. Так, на смену многозначному праславянскому по происхождению слову мостъ в значении *корабельная палуба* впоследствии прийдет палуба (производное образование от праслв.*pa- и луб *кора, лыко*): И быстъ топотъ великъ на мосту корабля (Х. Игн. См., 1405 г.). В рассматриваемый период второе слово имеет следующие лексикографические варианты: палубъ (полубъ) *крытая повозка*, палубы (полубы) мн. *перекрытие корпуса судна*: Разбитой кораблъ сталъ на каменной костѣ въ водѣ по верхние палубы (Ст. сп. Милосл., 1642 г.).

У слов котва и котка (котъка) (из *koty, род. п. kotъve) имеется несколько значений, одно из которых — *якорь*; у лексемы котка оно развилось на основании сходства по функции, по производимым действиям (кошка и якорь примерно одинаково цепляются когтями) [12:2, 350]: Нъ Исъ дха погрузи въ источницѣхъ крыщения, имѣаше свои корабль и котькы желѣзны (Усп. сб., XII-XIII вв.). Параллельно с ними функционировали грецизмы анкира, (анкура, агкура), (заимствовавшиеся непосредственного от греч. ανκυρα) якорь (впервые встречается в Договоре Олега, 907 г.; опосредованное заимствование через др.-шв. ankari от греч.) [12:4,553], вытеснившее прочие варианты и сохранившееся в своем основном значении до наших дней. Иноязычные номинации карина (из ср.-лат. carina) *киль корабля; днище* и киль (из голл. kiel или нем. Kiel) [12:2,233], как свидетельствует приведенный ниже иллюстративный материал., были синонимами; возможно, в связи с последующей ориентацией на западноевропейские достижения в области морского флота, второе обозначение становится основным: Первый болший новый корабль о трехъ жильяхъ. Карина его мастерскихъ аршинъ шестидесяти (Петр, 1704 г.); Когда похочешь дълатъ корабль... здѣлатъ по концамъ прямыя углы, потомъ киль ниже черты (Петр, 1697 г.).

Активным в словообразовательном и семантическом плане, освоенным в языке Средневековья, было раннее заимствование парусъ (из гр. φαρος, впервые отмечается в 907 г.): И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и воставляти на колеса корабля. И бывшю покосну вѣтру, въспя парусы и идяше к граду (Радзив. лет.); Бежали есмя парусом (Х. Афан. Никит., 1472 г.); всѣми парусы, во всѣ парусы *подняв все паруса, не уменьшая площади парусов*; уменьш. парусецъ: Далъ старецъ Иевъ соловецкой вкладом шубу песцевую... да лохань мѣдную, да парусец невелик подержан за три рубли (Кн. прих.-расх. Ант. м., 1581 г.); парусина *плотная ткань из пеньки*; парусное погодье, парусная погода *благоприятная для плавания под парусами погода*.

Часть лексических номинаций, взятых в рассматриваемый период из других языков для обозначения новых понятий, широко употребляется и в современном русском языке (каюта, компас, мачта, парус), другие устарели (буглина, каторгъ, карина).

Фактический материал Словаря русского языка XI-XVII вв. позволяет констатировать, что морская и рыболовецкая лексика принадлежит к древнейшим лексическим пластам и требует дальнейшего пристального изучения. Ее основу составляют слова, относящиеся к праславянскому периоду (в основном это лексемы, связанные с освоением речных пространств, озер, с рыболовством). Потребности общества, накопление знаний в сфере практического мореплавания, водные походы путешественников, мореплавателей, а также постоянная языковая тенденция к обновлению номинативно-экспрессивных средств способствуют пополнению словаря новыми единицами. Для этого используются как внутриязыковые возможности (напр., полисемия: корелка *монета,тип лодки,деревянная ложка, выдолбленная из корня дерева*; котецъ *клетка,загон, загородка*, во мн. ч. *рыболовная снасть, мережа*; омонимия: кочь *накидка, длинный плащ,*

парусное судно, повозка, коляска, храбрец, удалец; морда *передняя часть животного, рыболовная снасть, сплетенная обычно из ивовых прутьев или ниток*), так и заимствование иноязычных элементов, проникающих преимущественно из устной речи вследствие профессиональных контактов речников и моряков (а также в связи с деятельностью по переводу греческих текстов). Нельзя не учитывать и субъективные моменты, отображенные в памятниках данного периода, вследствие которых отбиралась определенная словарная единица для обозначения конкретной реалии или понятия. Таким образом в русский язык попадают слова из греческого и латинского языков, а затем из итальянского; западноевропеизмы только начинают проникать в общеязыковую систему.

На начальном этапе существования и формирования мореходной и рыболовецкой лексики отмечается широко разветвленная синонимия, богатство фонетико-морфологических вариантов, вызванных прямыми и опосредованными заимствованиями (иногда параллельным вхождением слова из разных языков), системой звуковой передачи, степенью освоенности иноязычной единицы в языке. К наиболее распространенным видам фонетико-морфологического варьирования можно отнести формы, отличающиеся родовыми признаками (гундалъ — гондола, каюта — каютъ, мачтъ — мачта, насадъ — насада), однокоренные дериваты с синонимичными суффиксами (носникъ, носовщикъ *тот, кто правит судном с носа*, набоенка, набойница *выдолбленная из осиновой колоды лодка с набитыми для увеличения высоты бортов досками (набоями)*, мережчикъ, мерещикъ *тот, кто ловит рыбу мережею* и т.п.). При этом лексемы, входящие в синонимические ряды, мало отличались по семантике и употреблялись в разнообразных стилях.

Древнейшие единицы морской и рыболовецкой лексики, сохранившие в ходе исторического развития основное номинативное значение, объединяют древнерусский язык с современным и составляют ядро современной морской терминологии.

1. **Богородский Б. Л.** Итальянские названия ветров на Черном море // Лексико-грамматические исследования по русскому языку: Межвуз. тематич. сб. — Калинин, 1977.
2. **Богородский Б. Л.** Русская судоходная терминология в историческом аспекте: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. — Л., 1964.
3. **Лях Р. Д., Ізюмов В. І. та ін.** Історія України. — Донецьк, 1998.
4. **Ковтун Л. С.** Древние словари как источник русской исторической лексикологии. — Л., 1977.
5. **Колесов В. В.** Древнерусский литературный язык. — Л., 1989.
6. **Колесов В. В.** Мир человека в слове Древней Руси. — Л., 1986.
7. **Кутина Л. Л.** Формирование языка русской науки (Терминология математики, астрономии, географии в перв. трети XVIII вв.). — М. — Л., 1964.
8. **Словарь** русского языка X I-XVII вв. — М., 1975-1991. — Вып. 1-17.
9. **Сопоставительное** исследование русского и украинского языков: Лексика и фразеология (синхронический и диахронический аспект) / Отв. ред. Г. П. Ижакевич. — К., 1991.
10. **Сулержицкие М. и Д.** Краткий морской словарь для юношества. — М., 1965.
11. **Творогов О. В.** Лексический состав "Повести временных лет" (словоуказатели и частотный словник). — К., 1984.
12. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: В 4 т. — М., 1986-1987.

Список сокращений

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссиею. — СПб., 1841-1842. — Т. 1-5.

Арс. Сух. Проскинитарий — Проскинитарий Арсения Суханова // Правосл. палестин. сб. — СПб., 1889. — Т. 7. — Вып. 3 (21).

АМГ — Акты Московского государства, изд. Акад. наук, т. 1-2 // Под ред. Н. А. Попова. — СПб,. 1890-1901.

Арх. Стр. — Архив П. М. Строева. — Пг., 1915. — Т. 1.

Астрах. А. — Акты Астраханской воеводской избы XVIII в. — Хранятся в ЛОИИ, ф. 178.

Гр. Сиб. Милл. — Миллер Г. Ф. История Сибири. 1-2. — М. — Л.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — СПб., 1846-1875. — Т. 1-12.

Дон. д. — Донские дела, кн. 1-5. — СПб., 1898-1917.

Кн. прих.-расх.. Ант. м., 1581г. — Книги приходо-расходные Антониева Сийского монастыря. 1575-1643 гг. — Рукоп. ЛОИИ, ф. 5.

Кн. прих.-расх. — Книга приходо-расходная Иосифо-Волоколамского монастыря. 1581-1582 гг. — Рукоп. ЛОИИ, ф. 284.

Куранты — Куранты, или вестовые письма 1655 и 1665 гг. — Чт. ОИДР, 1880.

Новг. I лет. — Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Изд. Археогр. Комис. — СПб., 1888.

Опис. м.-х. судов — Описание мореходных судов. — Рукоп. ГПБ, нач. XVIII в.

Пах. Ж. Моис. — Житие Моисея, архиеп. Новгородского // Яблонский В. В. Пахомий Серб и его агиографические писания. — СПб., 1908.

Петр — Письма и бумаги императора Петра Великого, т. 1-7. — СПб. — Пг., 1887-1918. 1688-1708 гг.

Радзив. лет. — Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись. I. Фотомех. воспроизв. рукописи. — СПб., 1902 .

Рим. имп. — Памятники дипломатических сношений с империею Римскою. 1488-1699. — СПб., 1851-1868. — Т. 1-9.

Соф. I лет. — Софийская первая летопись. — ПСРЛ. — СПб., 1851. — Т. 5.

Ст. сп. Милосл. — Статейный список о посольстве И. Д. Милославского и дьяка Л. Лазаревского в Царьград в 1750 г. — Врем. ОИДР. — 1850. — Кн. 8.

Усп. сб. — Успенский сборник X II-XIII вв. // Под ред. С. И. Коткова. — М., 1971.

Х.Афан. Никит. — Хожение за три моря А. Никитина 1466-1472 гг. — М. — Л., 1958.

Х. Игн. См. — Хожение И. Смольнянина 1389-1405 гг. // Под ред. С. В. Арсеньева. — Правосл. палестин. сб. — СПб., 1887. — Т. 4. — Вып. 3.

Хон. — Мардария Хоникова стихи к Лицевой библии Пискантора 1674, сост. в 1679 г. — Рукоп. ГИМ.

Хрон. Г. Амарт. — Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, 1920. — Т. 1.